

Таарде Рената Рудольфовна

Неизбывная память

Всего за 8 дней до начала войны был утверждён план выселения семей бывших фабрикантов, помещиков и членов буржуазных правительств из Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии. Таких насчитали почти 23 тысячи семей общей численностью более 77 тысяч человек, т.е. около 1% всего населения этих территорий.

Вторая мировая война и последующие десятилетия советского правления оказали сильное воздействие на демографические процессы. Во время войны и в первые послевоенные годы Эстония потеряла четверть населения, главным образом в результате депортаций в другие районы Советского Союза и эмиграции.

В маленьком городке Кунда, что находится на северо-востоке Эстонии, жила семья Таарде Рудольфа Александровича и Марии Александровны. Рудольф унаследовал от отца лесопилку. Кроме того, семья имела водяную мельницу, кофейню, в которой мололи кофе и расфасовывали для продажи. В каждой сотой баночке была упакована подарочная золотая ложечка. Фотографии того времени рассказывают о семейном благополучии: любящие друг друга родители, дочь - Рената, сын - Рудольф, и достаток в доме.

Дом и кофейня, первый «Форд» отца - это всё в далёком призрачном прошлом...

Рената Рудольфовна Таарде... Достаточно одного взгляда на эту очень симпатичную, далеко не молодую женщину, с разбегающимися морщинками вокруг до сих пор красивых, но очень печальных глаз, со своеобразным милым эстонским акцентом, чтобы сказать: «Да, видно, очень нелёгкой была её жизнь, покрутила судьба, на губах скромная улыбка, а глаза очень грустные, наполненные вечной болью, в них не единожды рассказанная, но до конца не высказанная душевная боль, причинённая ей в том далёком и самом страшном для её семьи 1941-м году...»

14 июня 1941 г. семью Таарде арестовали и депортировали.

Отца в Эстонии отлучили от семьи и отправили на 10 лет в Севураллаг. Можно сказать, что ему повезло. Рудольф очень хорошо играл на скрипке, там, в Свердловской тюрьме, она была с ним, и его направили в культбригаду, в составе которой было много эстонцев из Тарту, раньше работавших в театре. Так скрипка спасла ему жизнь в тюрьме, но на поселении не смог справиться с тем горем, что выпало на его долю, и ушёл из жизни.

Марию Александровну с детьми в скотских вагонах отправили в Сибирь. Две недели состав находился в пути до Новосибирска. «Там, - рассказывает Рената Рудольфовна, - нас посадили на баржу и, как всех, повезли сначала по Оби, а потом по реке Васюган. Путь был ужасен. Об этом и сейчас вспоминать невозможно. 14 июля мы прибыли в Айполово.

- Страшная погода была в этот день, вспоминает Рената Рудольфовна, - ураган, град, у женщин шляпки, зонтики срывало ветром. Остяки, жившие здесь, никогда не видели таких красивых женщин в невиданных одеждах. Потом,

когда стали голодать, мы обменивали свои наряды на картошку, а они, не зная, что такое ночная рубашка, носили их как платья.

Нас отправили в колхоз в посёлок «Дальний Яр», что в километре от Айполово. Брат очень хорошо играл на аккордеоне, с которым не расставался никогда. Директор детского дома обещал взять его преподавателем музыки, но директора забрали на фронт, а брата отправили в колхоз. В тот год была большая вода, в колхозе неурожай, очень бедный был колхоз. 90% тогда умерло от голода. Семьями вымирали. На человека давали 50 г отвеянного зерна. Уже в 1942 году от голода умерла и наша мама, с братом мы выкопали могилу, как могли, и похоронили её, где сейчас могилка, я не знаю.

Брат тоже уже болел, его парализовало и он «таскал» левую ногу. И, тогда он решился на отчаянный шаг. Однажды его пригласили в пекарню часы отремонтировать, у него были «золотые руки». Хлебный дух ударил в голову. Рудольф вечером сказал: «Или мы сегодня будем сыты, или умрём от голода» - и вечером отправился в пекарню. Вечером мы напекли лепешек и пригласили соседей- эстонцев. Часть муки спрятал в лесу, а утром, когда пришли за ним и заставили вернуть её, он не смог даже нести оставшуюся часть. Сил уже не было не только от голода, но и, видимо, от страха за содеянное, хотя знал, что будет ему за кражу. Рудольфа арестовали и увезли в районную комендатуру, которая находилась в с. Новый Васюган. Больше ничего о нём не знаю до сих пор...

Как выжила, не знаю, осталась одна среди чужих людей в далёкой холодной Сибири. Мне уже было 15 лет, таких в детский дом уже не брали. Я подала заявление, чтобы мне разрешили выехать в райцентр, т.е. Новый Васюган, там можно было куда-нибудь устроиться на работу. Не зная дороги, отправилась пешком по тайге порядка 40 км. Меня поселили в барак, где жили эстонцы. Сразу направили на лесоповал. Самый страшный - это летний период, когда начинался гнус, от звона в ушах и густой пелены перед глазами, облепивших тебя кровососов не было покоя ни днём, ни ночью.

Сейчас представить 15-летнюю девочку на лесоповале невозможно. А в том, 42-м, для Ренаты это не было вопросом, нужно было заработать законные 500 г хлеба в сутки, чтобы выжить. О чём думала она после непосильной работы в лесу, какие слова в забытии, глотая слёзы, шептала эта маленькая, брошенная на произвол судьбы «отцом народов» девчонка ...

Позднее, в комхозе, куда устроилась на работу Рената, казалось, работать было легче. Для локомотива нужно было в день напилить и наколоть 30 кубометров дров. Вопреки всему и всем Рената выжила.

Когда в 1949-м в Новом Васюгане появился новый контингент турецко-поданных народов Кавказа, про себя подумала, что никогда бы не вышла ни за кого из них замуж. Уж больно бедный народ: в штанах, заправленных в носки, на ногах калоши, в простых рубахах, только чёрные, как смоль, глаза и волосы, да взгляд орлиный из-под красивых бровей.

Ян-Оглы Назим Халитович был выслан из г. Очамчира, солнечной, цветущей, но очень бедной Абхазии. Суровый край и суровые испытания пережили и они. Судьба, вопреки рассуждениям Ренаты, распорядилась иначе и соединила двух молодых и красивых людей.

Благополучие в Эстонии как мираж, а здесь они на равных, двое бедных, обездоленных, лишённых Родины. Только с появлением детей поняли, что надо жить ради них. А в 1956 году депортированные народы Прибалтики, Кавказа были откреплены от комендатуры и стали выезжать на родину. В семье Ян-Оглы уже четверо детей: Эрика, Назене (Зина), Фикрия (Александра) и Юрий. В Эстонии у Ренаты родственники, но у Назима не было паспорта, и он уговорил жену уехать к нему на родину.

«Такой нищеты, - вспоминает Рената Рудольфовна, - я не видела никогда, не представляла, что так бедно можно жить. Земляной пол, подобие постели, которую днём убирали, мамалыгу ели руками прямо со стола...»

Рената Рудольфовна забрала старшую Эрику и маленького Юру и уехала в Эстонию. Оттуда отправляла посылки с продуктами в Абхазию, но долго вытерпеть не смогла, душа изболелась за детей, оставшихся с мужем. Любовь соединила их и вернула на место, туда, где родилась их любовь и семья. Они вернулись домой, в Новый Васюган туда, где была Родина их детей. Двадцать лет пролетели как одно мгновение. Родственники из Эстонии помогали семье поднимать на ноги детей. В 1972 году Ната (так ласково зовут её нововасюганцы) осталась одна с четырьмя ребяташками на руках, умер муж.

Через год судьба свела её с ссыльным, Никитой Брагиным. Он годовалым ребёнком был выслан с матерью, сёстрами и братьями из Красноярска в 1932 году. Вместе они уже 35 лет.

19 июня 2008 года экспедиция «Прощение и память» побывала на земле Васюганской. Хозяйка дома радушно встретила нас и пригласила в дом. Из своих 85 лет - семьдесят Рената прожила в Сибири, но свою эстонскую культуру она сохранила. Это сквозит в её эстонском акценте при разговоре, в убранстве дома, вышитых её руками подушечках и портъерах. Рукавички, опять же с эстонским орнаментом, согревают и напоминают родину, это песни, которые помнит она и знают её дети, это связь с родными и близкими. Рената до сих пор переписывается со своей одноклассницей и родными.

У Ренаты Рудольфовны на нагрудный значок - цветок с надломленным стебельком - Rukkilill (василёк). Этот хрупкий надломленный цветок символ ни в чём не повинных людей, чьи судьбы сломаны молохом сталинских репрессий. Сколько их таких - одному Богу известно, но о той страшной трагедии будет напоминать Камень скорби, установленный в Томске в сквере рядом с музеем «Тюрьма НКВД» в июне 2008 года. Надпись на русском и эстонском языках гласит: «Эстонцам, погибшим на Томской земле».

Река времени - Васюган, бери каждого второго жителя, и у всех своя семейная трагедия. Людей, переживших сталинские репрессии, видно сразу. Свой отпечаток эти годы репрессий оставили не только в душе каждого, но и в их глазах: в первую очередь - это настороженность и боль, та вечная боль, которую не скроешь временем. Они до сих пор живут прошлым, их жизнь разделена на два периода - «до» и «после». Они живут на новой родине, но всегда помнят ту, которую когда-то потеряли. В каждом семейном альбоме хранятся старинные фотографии из той далёкой жизни, фотографии, напоминающие им любимую, но уже потерянную Родину...